

А. Купер

ПОСТМОДЕРНИЗМ, КЕМБРИДЖ
И «ВЕЛИКАЯ КАЛАХАРСКАЯ ДИСКУССИЯ»*

В последней, быть может, статье, написанной Эдмундом Личем до его кончины в 1989 г. он рецензировал работу Клиффорда Гирца «Труды и жизненные пути: антрополог как писатель». В характерной для Лича полемической манере он обвинял Гирца в том, что тот вскочил «на подножку фургона своих учеников как раз перед тем, как тот должен был его раздавить». Однако статья неожиданно заканчивается словами, которые можно расценивать как поддержку постмодернистских подходов: «Этнографическая монография имеет больше общего с историческим романом, чем с каким бы то ни было научным трактатом. Как антропологи мы вынуждены примириться с ныне уже признанным фактом, что в романе персонажи воспроизводят те или иные аспекты личности автора. Да и как могло бы быть иначе? Единственное „Я“, которое я знаю непосредственно, это мое собственное. Когда Малиновский пишет о жителях Тробрианских островов, он пишет о себе; когда Эванс-Причард пишет о нуэрах, он пишет о себе. Любой другой подход превращает персонажей этнографических трактатов в заводных кукол».

И далее: «Как авторы этнографы в первую очередь озабочены не истинностью фактов, они убеждают тем, как пишут»¹.

Это поразительное заявление. Разве не удивительно, что такого рода утверждения исходят от одного из наиболее выдающихся учеников Малиновского? С характерной для него смелостью Лич не оставил возможности иного толкования высказанной мысли (не исключено, правда, что в его неопубликованных работах окажутся утверждения, противоречащие приведенному выше). Слова Лича рассчитаны на то, чтобы убедить самого крепкого реалиста пересмотреть свою позицию.

Несмотря на указанное положение, Лича никак нельзя отнести к типичным постмодернистам или хотя бы считать его приверженцем антропологического варианта постмодернизма, распространенного в США. Во Франции постмодернизм возник в результате преобразования одновременно структурализма и марксизма, которые в 1950-х и 1960-годах состязались в парижской интеллектуальной жизни. При переходе из европейской философии и литературной критики в научную жизнь Америки постмодернизм неуловимо, но существенно изменился**. Американская культурная антропология, в которой идет спор между биологическим сциентизмом и релятивистской гуманитарной традицией существенно отличается от социальной антропологии Европы. Мы считаем, что занимаемся одной из общественных наук, расположенных между искусством и наукой. Американская культурная антропология оторвалась от социологии; в значительной мере она игнорирует традиции Дюркгейма и Вебера. От Парсонса она восприняла положение, что культура может (а в качестве первых исследовательских шагов даже должна) трактоваться отдельно от общества, биологии, личности.

* Перепечатка из журнала «Social Anthropology», August, 1992, V. 1, P. 1.

** Некоторые основополагающие работы см. в библиографии². Основные отзывы также приведены в списке литературы³.

Как европейская, так и американская традиции поддерживают особые исследовательские программы; каждая придает собственный поворот любой идее, внесенной извне. Постмодернизм в американской антропологии обращается к изучению гуманитарной культуры и традиции. К тому же само определение культуры все более сужается, так что ныне в этой школе получило распространение определение Гирца (идущее от Парсонса), в котором культура рассматривается как система символов и переплетение значений. Антрополог пытается понять связь между этими символами и переплетениями. То, что он делает, сравнимо с попыткой перевести шекспировскую пьесу. Судить о верности или неверности результата можно лишь на самом элементарном уровне.

Лич, разумеется, не был представителем этой традиции, что делает его видимую уступку релятивизму более интересной. К тому же его формулировка ценна своей ясностью и бескомпромиссностью. Лич умел обнажить существо любого рассуждения, в то время как более осмотрительные ученые-теоретики уклоняются от недвусмысленной формулировки своих утверждений. Этот прием постмодернистов стал уже хорошо известным. Стоит критику довести их идеи до логического конца, они привычно выкрикивают: «Неправильно!»

Карритерс, например, наверное, не одинок в своем понимании Гирца⁴, а также Клиффорда: «Они думают, что антропологи прежде всего писатели, а „писателей“ они понимают как авторов художественной прозы. Дело антропологов — создавать писательские персонажи большей или меньшей убедительности, а эта убедительность идет от самого текста и манеры его подачи... И в результате достоверность знаний, на которые претендуют антропологи, имеет гораздо меньше значения, чем изобретательность (Клиффорд) или убедительность (Гирц) их текстов»⁵. Ведь это, право же, справедливое и последовательное («сильное») толкование идеи, имеющейся в текстах Гирца и Клиффорда. Гирц, однако, отвергает толкование Карритерса как совершенно искажающее его мысль («Я не считаю, что антропология — не наука или не может быть наукой, что этнографические описания — это романы, поэмы, мечты или видения, что достоверность антропологических знаний имеет лишь второстепенное значение или ценность антропологических работ заключается только в их убедительности. Но я считаю, что действительность красноречия в некотором отношении зависит от доверия к оратору и что какое-то значение имеет и то обстоятельство, кто высказывает, что где, когда и с какой целью...»)⁶.

Итак, в ответ на вызов Гирц отступает к недостаточно последовательному («слабому») истолкованию своего положения. Разумеется, любое положение можно сформулировать в «сильной» или «слабой» формах. Обычно сильные утверждения интересны, но с очевидностью неверны, слабые же несколько тривиальны, но иногда верны. Несомненно, полевой исследователь ограничен своим воспитанием, полом, возрастом, социальным положением; общественные и политические условия, в которых он находится, несомненно повлияют на полученные им результаты; в любой статье можно при чтении обнаружить те или иные скрытые допущения, а автор ее наверняка станет пользоваться приемами красноречия.

Ну и что? Как указывает Рот, «пусть литературный разбор этнографических текстов и зафиксирует переплетение стилей и перспективы (это заслуга Гирца), они не затрагивают и оставляют без ответа эпистемологические вопросы, с которых началась эта дискуссия, а именно: как должным образом защитить свои положения в рамках избранной перспективы и как оценить политическое значение своей позиции»⁷.

Но если слабая версия, к которой прибегает Гирц, откровенно банальна, недвусмысленная сильная постмодернистская идея Лича остается опасной и интересной. Его тезис в том, что от результатов труда этнографов не следует ожидать точности и достоверности. Скорее их можно воспринять как серьезные работы в жанре фантастики. И к его мнению прислушивались коллеги. Он опубликовал

этнографические труды, широко ценимые в кругу профессионалов, а также критиковал и перерабатывал чужие этнографические работы. Тем больше оснований обратить внимание на его формулировку.

Что до меня, то я отреагировал на вызов Лича лично. Я вспомнил свое посвящение в науку в кембриджском факультете социальной антропологии, где Эдмунд Лич был одной из центральных фигур. Такова в конечном итоге личная причина, по которой я вступаю в спор с Личем; а причина эта как раз находится в русле постмодернизма. Постмодернизм, наверное, тем и привлекателен, что биография исследователя учитывается как фактор научной работы и оказывает влияние на ее результаты.

Кембриджские дни

Я оказался в Кингз-колледже Кембриджа в 1962 г. в 20-летнем возрасте в качестве аспиранта по социальной антропологии. Это был еще в значительной мере досовременный Кембридж, и молодому иностранцу он представлялся экзотичным и немного пугающим.

Факультет социальной антропологии ставил перед новичком особые проблемы. Аспирантов было, быть может, всего человек 12, из них в любое время 4 или 5 отсутствовали — работали в поле. Было несколько выпускников Кембриджа (в мой год — Эндью Стразерн), выпускники других английских университетов (например, Морис Блох из Лондонской школы экономики) и несколько иностранцев, главным образом американцев, хотя в предшествующий год в Кембридж поступил Питер Ригби из Южной Африки. В штате состояло семь или восемь ученых, среди которых выделялись профессор Мейер Фортес и лектор Эдмунд Лич. Их заместителями были соответственно Джек Гуди и Стенли Тамбиа. Одри Ричардс и Рео Форчун по весьма различным причинам стояли в стороне⁸.

Фортес и Лич оба были членами совета колледжа, и в первую же мою неделю Лич пригласил меня к завтраку. Огромный, лохматый, он внимательно разглядывал меня. «Я пытаюсь вербовать людей для работы в Юго-Восточной Азии», — сказал Эдмунд. Я объяснил, что хотел бы работать в поле в Южной Африке. Он смотрел на меня ласково, понимая, что я не оправдал его надежды, но готовый смягчить удар. «Ну, я, может быть, смогу Вам что-нибудь рассказать о Кембридже», — сказал он. — Профессор Фортес, при всей глубине его понимания ганского общества, здешних реалий по-настоящему и не понял. Главное, что следует усвоить относительно Кембриджа, это то, что он в сущности представляет низшие слои среднего класса».

Несколькими днями позднее меня пригласил на завтрак в Кингз-колледж Мейер Фортес. «Вы, конечно, будете работать в Африке, — сказал он, — в Южной Африке? Вам надо будет в Лондоне заглянуть к Шапера». Затем он перешел к другим темам: «Расскажу Вам кое-что о Кембридже. Никто другой Вам этого не расскажет — такие люди, как Эдмунд, вероятно, даже этого и не знают, — но никогда не забывайте, что здесь не любят евреев».

Обе эти характеристики оказались верными и полезными для иностранца. Но самое главное, что я узнал во время своих завтраков, это то, что разлад между двумя ведущими антропологами Кембриджа очень глубок. Неважно, какие причины лежали в основе конфликта. Факт тот, что новый аспирант вынужден был присоединиться к тому или другому лагерю. Отчасти это было связано с регионом, где ты хотел работать, — как правило, Фортес и Гуди руководили африканистами, а те, кто путешествовал к востоку от Суэца, работали с Личем или с Тамбиа. Но этот первоначальный выбор определял и научную ориентацию, так как от африканистов требовалось работать по африканским моделям Фортеса, между тем как Лич и Тамбиа экспериментировали со структуралистскими идеями.

Такой университет, как Кембридж, представлял собой действенный механизм аккумуляции. Сам факультет налагал весьма специфический научный отпечаток на новичка. Через пару семестров он выпускал птенца — фортесианского

африканиста или южноазиатского структуралиста, вооруженного кое-какими понятиями, но прежде всего преданностью выпестовавшим его ученым. Интересно, что прямое обучение было минимальным. Приходилось многое подхватывать самому. Может быть, это уменьшало вероятность сопротивления молодежи. Открытого контроля со стороны научных руководителей было немного, хотя любопытно, что, когда мы попытались основать свой небольшой семинар, Фортес всячески силился подавить его в зародыше.

Мы также восприняли веру в то, что полевые исследования в духе Малиновского — включенное наблюдение — дадут более точное представление о чуждом образе жизни, чем любой другой метод. Считалось даже, что вряд ли стоит читать книги об обществах, которые мы собирались изучать, если их автор не последователь Малиновского. С другой стороны, встречался крайний, но не такой уж редкий взгляд: если в каком-то районе или даже стране уже проводил исследования последователь Малиновского, то этот район считался «отработанным»; лучше ехать куда-нибудь еще.

Да, мы впитали эту веру, но без сознательного усилия, как материнское молоко. Не было обучения полевой работе, методу включенного наблюдения. Это вызывало некоторое беспокойство при приближении момента отправки в поле. Мы начали просить указаний. Несколько человек собирались отправиться в Африку, на Новую Гвинею, Мадагаскар, в Мексику... Нельзя ли нам получить какие-либо наставления по методам?

Наконец Джек Гуди согласился с нами побеседовать. Однажды вечером в начале лета мы собрались после обеда в его комнате в колледже Сент-Джонс. У меня до сих пор сохранилось яркое воспоминание об этом эпизоде: в этот вечер в Сент-Джонсе давался майский праздничный бал, и мы проскользнули в квартиру Гуди мимо молодых людей в вечерних костюмах и молодых женщин в шелковых платьях с большими декольте; пока мы разговаривали, до нас через лужайку доносились звуки танцевальной музыки. Это был тот образ Англии, который хранили путешественники времен короля Эдуарда, когда они переодевались к своим одиноким обедам в пустынях и джунглях. Однако, боюсь, что мы немного узнали в тот вечер. Джек Гуди объяснил, что настоящего метода нет, ничего такого, чему можно научить. Важно помнить, что надо сохранять здоровье и добрые отношения с властями, записки вести в двух экземплярах, по возможности часто пересылая копии на родину.

Такая сложилась традиция. Ветераны рассказывали, что они отправлялись в поле без всяких указаний или в лучшем случае со смехотворными и противоречивыми советами по вопросам этикета. По утверждению Эванс-Причарда, Зелигман предупреждал его, чтобы он не прикасался к местным девушкам, а Малиновский советовал ему взять туземку в любовницы. И все же указания были, может быть, тем действеннее, что передавались косвенным путем и главным образом через рассказы о личных впечатлениях.

Калахарские дни

Я почти неизбежно избрал исследовательскую работу в Южной Африке. Сам я южноафриканец, время было такое, что африканские страны обретали независимость со всеми возможными последствиями для будущего самой Южной Африки. Естественно, я решил изучать политическую жизнь. С рекомендацией Фортеса на руках мне удалось проконсультироваться с профессором Исааком Шапера — ведущим авторитетом по южным банту. Он предложил мне подумать о полевой работе среди кгалагари — малоизвестной группы народов на западной окраине Тсвана в тогдашней британской колонии — протекторате Бечуаналенд.

Я провел необходимую минимальную подготовку: прочитал основные книги о соседях Тсвана и позанимался языком си-кгалагари со знатоком южнобантуанских языков, которого мне посчастливилось обнаружить в Школе изучения стран Востока и Африки. Затем я обратился к колониальным властям за разре-

шением заняться исследовательской работой. Британские власти Бечуаналенда были недоукомплектованы персоналом, да и находились они в другой стране — в Мафекинге в Южной Африке. Они охотно разрешили мне выезд в поле, но не могли предоставить никаких сведений о размещении общин кгалагари в западной части страны.

Казалось, что наиболее трудно будет просто попасть в Калахари, но к счастью, моя тетка, антрополог Хильда Купер, написала мне, что двое антропологов из Гарварда собираются в Калахари — отыскивать там группу бушменов; у них вздоход, и они меня захватят, если я встречу с ними в Музее Родса и Ливингстона в Ливингстоне. Их звали Ричард Ли и Ирвин Де Вор.

Мы вместе отправились в Калахари в сопровождении малыша-павиана, которого Де Вор нашел рядом с трупом его матери, убитой леопардом. Вскоре мы наняли переводчика — человека, ранее работавшего садовником у Десмонда Кларка в Замбии и владевшего тремя языками — нарон, тсвана и английским⁹.

Де Вор был уже известен в научных кругах: он начинал исследования приматов в полевых условиях. Ли, как и я, был выпускником, но мы обучались в весьма различных школах, и трудно представить себе два столь непохожих плана научной работы, чем те, с которыми мы прибыли в Калахари в 1963 г.

И Ли, и Де Вор были эволюционистами. Работа у бушменов задумывалась Де Вором как логическое продолжение археологических исследований в Африке и его собственного изучения приматов. Ученый хотел получить дополнительные данные для развития теорий о переходе к современным людям в Восточной Африке. Ли находился в большей мере под влиянием культурной экологии Джулиана Стюарда, но он тоже полагал, что его исследования будут связаны с широкими проблемами эволюции. Первые охотники и собиратели появились на восточноафриканских равнинах, и изучение экологии и способов существования современных групп приматов и охотников-собирателей в восточноафриканской саванне должно было помочь более глубокому пониманию процессов, происходивших в древности¹⁰. «По моей догадке, исследование современных охотничье-собирательских групп — с соответствующими критическими предосторожностями — может дать основу для моделирования эволюции человеческого поведения»¹¹.

Ли мало интересовался современной общественной структурой, и, когда он решил изучать кунгов, он сначала довольствовался данными Лорны Маршалл, работавшей среди них десятилетием раньше¹². Что касается Ли, то для него главное значение имели биологические и экологические данные. Он осуществил подробные наблюдения над сбором пищи и питанием, провел переписи и нанес на карты передвижения групп, связывая их с экологическими условиями. В своей капитальной монографии «The Kung San» он приводит богатейший материал по составу групп, питанию и экологии. В течение последних двух десятилетий Ли и его коллеги составили комплексный доклад о культуре кунгов. Однако основным направлением его личных интересов был вопрос о том, как кунги поддерживают свое существование собирательством, и главный вопрос — какой свет это проливает на эволюцию человека.

Начиная исследования, Ли высказал ряд гипотез. Он считал неверным, будто охотничье-собирательский образ жизни обязательно имеет повышенно рискованный характер, тем более что приматы с очевидностью — Де Вор это подтверждал — жили неплохо. В поле Ли установил то, что подозревал и раньше: что кунги даже в маргинальных условиях Калахари поддерживают вполне удовлетворительное существование, затрачивая на удивление небольшие усилия. Это неизбежно заставляет предположить, что обычно приводимые причины перехода к земледелию придется пересмотреть. В 1966 г. он вместе с Де Вором организовал конференцию на тему «Человек-охотник» для обсуждения этой новой концепции охоты и собирательства, где Маршалл Салинс сделал свое прославленное заявление, что кунги — это изначальное общество изобилия¹³.

Политическая жизнь калахарской деревни

Мои исследования были не так хорошо организованы, но со временем я тоже стал сосредоточиваться на определенном материале. Кгалагари были скотоводами, садоводами и работниками-мигрантами; они жили в тесно сплоченных сельских общинах. Общественные дела кгалагарской деревни обсуждались и решались в кгота — деревенском совете. Я посещал все их собрания, вел подробные записи, обсуждал с людьми вынесенные на собрание вопросы и принятые решения и со временем оказался обладателем систематизированного материала, который лег в основу моей диссертации. Правда, я еще до отправки в поле решил изучать «политику», но я имел право также сказать, что повинуюсь знаменитому, хотя не вполне ясному указанию Эванс-Причарда и «следую волокну культуры», так как дела кготы с очевидностью были центральными для самих поселян.

Хотя у меня не было связной концепции и тем более четко сформулированные гипотезы, я все же захватил с собой в поле кое-какие организующие идеи. У британских африканистов имелось две модели политических систем: одна — это «государство», примерами которого служат в Ботсване государства тсвана на востоке; вторая — политическая система, основанная на родстве и принимающая форму родственных групп (например, как считали, у бушменов) или же сегментарных линиджей, как это практикуется (по нашим тогдашним представлениям) у таланси.

Однако в Калахари не было сегментарных линиджей, не было и государств: деревни кгалагари были, как правило, маленькими. В деревне, где я провел большую часть своего времени, население составляло всего несколько сот человек. Родственные отношения имели определенную политическую значимость, но структура родства не лежала в основе организации управления.

Теоретическая схема, с которой я начал исследования, подсказывала вопрос: какова политическая роль родственных отношений в деревнях кгалагари? Это и стало темой моей диссертации, представленной в 1966 г. Но мои личные политические интересы заставляли также выяснить отношения между деревней и окружной администрацией, а также те политические изменения, которые предвосхитили установление независимости страны от Великобритании в 1966 г. Нелегко было разобратся, как анализировать эти внешние процессы в жестко заданных терминах классических моделей британской антропологии. Занимаясь этой проблемой, я, во всяком случае, обрел серьезные политические уроки. У кгалагари были демократические политические установления (до известной степени — исключались женщины и бушмены), и они проявляли многообразную активность в политической деятельности на окружном и национальном уровнях¹⁴. Это само по себе говорило о многом. Южноафриканское правительство утверждало, что так называемые племенные народы неспособны управляться с демократическими учреждениями, что их самосознание связывается главным образом с властью и что они не склонны вмешиваться в дела за пределами своего племени.

Работа в области этнографии

Можно с известным основанием говорить о том, что и Ричард Ли, и я увидели то, на что были запрограммированы. Я бы, однако, хотел отметить, что гораздо более важную роль, чем наши личные особенности и наши личные взгляды на политику, мораль и эстетику, сыграли некоторые другие черты нашего формального обучения. Конкретно: мы оба были нацелены (а может быть, до известной степени сами того пожелали) на изучение общественного поведения определенными способами, в рамках определенных теоретических схем. Наши исследовательские планы не исходили от нас лично. Вполне вероятно, что и без нас возникли бы сходные предприятия в рамках представляемой нами традиции. Действительно, во время одной поездки в Калахари в 1965 г. я встретил молодого японского антрополога Джиро Танака, приступавшего к изучению одной бушмен-

ской группы в центральном Калахари с применением японских методов изучения приматов. Его исследовательский план был очень сходен с планом Де Вора.

В ходе работы совершенствовалась методика. Исследование Танака, например, потребовало радикального эксперимента. Он первоначально намеревался изучать бушменов теми же методами, что японские приматологи изучают обезьян. Поэтому он решил не вступать в отвлекающие внимание и мешающие работе личные отношения и даже не изучать язык.

Я же пришел из британского университета и, разумеется, начал со слепой веры в условности включенного наблюдения по Малиновскому. Ныне мне кажется, что главное в этом методе не включение в культуру аборигенов, не в том, чтобы начать мыслить, чувствовать и испытывать жизнь как тробриандец. Скорее, антрополог должен спуститься со своей веранды и посмотреть, как тробриандец ведет себя в реальных обстоятельствах, вместо того чтобы слушать его объяснения о том, как он должен себя вести. Чтобы достигнуть подобной непосредственности в наблюдении, необходимо считаться участником общины. Антрополог «включался» прежде всего для того, чтобы иметь возможность наблюдать, не вмешиваясь. Включение было не столько способом наблюдения, сколько средством обрести доступ к возможностям наблюдения. Метод Малиновского предназначен не для того, чтобы разрешить исследователю романтический субъективизм¹⁵.

Но эти особенности включенного наблюдения приходилось осваивать с трудом. Поскольку никто мне толком не объяснил, к каким результатам ведет включенное наблюдение, я путался и нервничал, избегал бесед или по крайней мере беседовал с ощущением вины за то, что нарушаю правила. Но метод был здоровый; по крайней мере было известно, что надо выучить язык, установить дружеские связи, как-то приладиться к общинной жизни. Делая все это, начинаешь постепенно набирать немало достоверных знаний об общине. Со временем я организовал серию диалогов. Гипотезы обсуждались с действующими лицами¹⁶. Я стал проводить небольшие эксперименты, предугадывать реакции на конкретные происшествия.

В школе Малиновского существовала крепкая традиция, согласно которой этнограф должен по меньшей мере «дважды куснуть одну вишню». Итак, закончив свою диссертацию, я снова отправился в округ Ганзе обретшей независимость Ботсваны, чтобы изучить политические изменения на сельском уровне, вызванные независимостью, и чтобы заполнить многочисленные «прорехи», выявившиеся при переписке работы.

Та американская антропологическая традиция, из которой вышел Ричард Ли, была более эклектичной: не так строго требовался единственный метод сбора данных. Однако к этому времени включенное наблюдение уже стало общепринятой составной частью этнографической полевой работы. Несмотря на преобладающий интерес к поддающимся измерению формам поведения, Ли, по мере того как подвигалось его исследование, все больше прибегал ко включенному наблюдению. В 1967—1969 годах он провел в поле еще 20 месяцев вместе со своей женой демографом Нэнси Хауэлл; со свойственной ему точностью он отмечает в записях сдвиги в своей методике: «Начальная полевая работа состояла примерно на 30% из опросов и на 70% из наблюдения. На этот раз соотношение было обратным; гораздо большая доля времени тратилась на посещение людей на их стоянках и на длительные разговоры утром и днем»¹⁷. Еще более примечательно то, что и Танака обратился к методу включенного наблюдения. Он увлеченно включился в местную жизнь, овладел языком и все активнее работал как последователь Малиновского¹⁸. Похоже, что этот не особенно точный и, по всей видимости, не поддававшийся точному определению метод принимался даже скептиками.

На втором этапе своей работы Ли расширил диапазон изысканий и приступил к лонгитюдным исследованиям передвижения групп, их сезонного питания и других вопросов. И вскоре группа ученых в Добе стала увеличиваться. В течение последующих двух десятилетий Ли несколько раз возвращался в поле, и многие

полевые работники, последователи и ученики его и Де Вора занимались культурой, психологией, питанием и археологией кунгов Добе. Том «Охотники-собиратели Калахари» под редакцией Ли и Де Вора хорошо показывает работу этого отряда и широту и утонченность исследовательской работы.

Ревизионисты и некоторые другие

В то же время ученые занимались другими группами калахарских бушменов; среди них выделяется Джордж Зильбербауэр, сотрудник администрации Бечуаналенда, исследовавший бушменов центральных районов уже за несколько лет до того, как мы с Ли приехали в Калахари. Мы с Зильбербауэром совместно изучали бушменских серфов в одной калагарской деревне¹⁹. Я получил также возможность следить за работой Алана Барнарда, когда он начинал изучать нхаро на основе теоретической схемы британской социальной антропологии. Позднее независимый исследователь Эд Вилмсен приступил к длительному изучению кунгов. Со временем результаты первоначального исследования кунгов стали предметом дискуссии.

Так называемая ревизионистская критика модели кунгов стала важным элементом антропологии 1980-х годов. Ряд основополагающих статей²⁰ и появившийся не так давно пространный труд Вилмсена²¹ превратили в последние годы эту проблему в одну из наиболее обсуждаемых*.

Суть аргументации «ревизионистов» в том, что в ходе эволюции кунги были вырваны из исторических и социальных связей. Археологические материалы показывают, что собиратели Калахари, может быть, в течение тысячи лет тесно соприкасались со скотоводческими группами. Около двух столетий собирательство составляло часть интегрированной южноафриканской экономики, включенной в комплексные отношения обмена с португальцами, голландцами, «бантуязычными» и «сан». Как правило, «сан» стремились к собственному скотоводческому хозяйству и иногда занимались скотоводством, но во всяком случае в рамках экономики своих соседей, доминировавших над ними, они занимали маргинальное положение и подвергались эксплуатации. Их нельзя рассматривать, по выражению Ли, как «собираателей в мире собирателей»²³. Они представляют не стадию в эволюции человека, а скорее, как думают ученые, это приспособление к маргинальности, беспомощности и эксплуатации. На конференции «Человек-охотник» Леви-Строс предупредил, что этнографы, изучающие современных охотников-собираателей, возможно, описывают «наследников более богатых современных культур»²⁴.

Совсем иную критику парадигмы кунгов дали в своих работах такие антропологи, как Алан Барнард и Джордж Зильбербауэр, изучавшие другие группы бушменов Калахари. Они описали различные способы приспособления общин бушменов или сан к местным экологическим условиям и привлекли внимание к разнообразию культурных традиций, представленных в этой области, что особенно выражается в широком диапазоне языковых различий**. Там, где Вилмсен склонен игнорировать культурные особенности различных групп «сан», рассматривая их как низший класс в марксистской схеме, приверженцы региональных сравнений подчеркивают, что бушмены кунг не типичны даже среди бушменов Калахари.

При сравнении с другими народами Калахари становится ясным, что культуры в изучавшемся регионе отчетливо различаются, пусть даже их в известном смысле можно отнести к «культурам нищеты». Исторические изыскания показали, что хозяйство калагари сократилось до собирательства в XIX в.²⁶ Однако в XX в. с

* Две недавних статьи в «Current Anthropology» позволяют познакомиться с участниками дискуссии и их доводами²².

** Много обещает сравнительный региональный подход к собирателям Южной Африки Барнарда. Недавно вышла его долгожданная монография «Охотники и скотоводы»²⁵.

восстановлением основ скотоводства здесь возникли сельские общины «сототсвана». Некоторые народы «сан» на востоке страны сумели осуществить подобный же переход. У них также развивалось скотоводство и протекала культурная ассимиляция по образцу тсвана. Тем не менее большинство «сан» даже во второй половине XX в. отчетливо отличались даже от беднейших кгаллагари. Это отражает серию выборов, жизненные стратегии, которые было бы разумно не принимать во внимание.

В суждениях о главной проблеме — существовал ли всеобщий собирательский образ жизни, примером которого могут служить кунги — я остаюсь агностиком. Дальнейшего исследования заслуживают по крайней мере две гипотезы. Джиро Танака замечает: «Чем дольше я жил с сан, тем сильнее убеждался, что их исключительный „эгалитаризм“ — не иллюзия. Даже если исторические данные подтвердят наличие длительных тесных связей этого общества с внешним миром, это не снижает важности описания рассматриваемого уникального культурного явления»²⁷. Но уникально ли оно? Нурит Бэрд, изучавший собирателей в Индии, недавно утверждал, что несмотря на всеобщее включение обществ собирателей в более широкие общественные и экономические отношения, существует свой особый «собирательский» взгляд на мир, основанный на представлении о природе как о партнере по обмену — один из аспектов фундаментальной идеологии всеобщего обмена²⁸.

Еще одно весьма существенное обстоятельство общего значения. Как правильно отметил Вилмсен, группы собирателей живут не изолированно. Похоже даже, что и никогда не жили. Даже охотники в мире охотников оказывались в неоднородном окружении. Джон Йеллен — археолог, работавший с Ли среди кунгов, отмечает, что даже до распространения в Южной Африке земледелия и скотоводства (примерно во времена Христа) небольшие общины охотников-собирателей, расположенные далеко друг от друга, обменивались местными ресурсами.

Археологические исследования в районах, где бытовало собирательство, обычно обнаруживают местные различия в технологии. Это неудивительно, если принять во внимание местное экологическое разнообразие. Отдельные собирательские традиции основывались на местном наборе источников пищи и на доступности тех или иных сырьевых материалов. Разнообразие в свою очередь неизбежно приводит к заимствованиям и обмену. Даже для весьма древних времен можно найти неоспоримые данные в подтверждение этой мысли. Такая художественная традиция, как верхнепалеолитическое искусство Европы содержит уже признаки культурного взаимодействия. Стилистические влияния прослеживаются от Атлантики до Урала.

Кунги, может быть, именно потому наиболее типичны для охотников-собирателей вообще, что отличаются от своих соседей и все же вовлечены с ними в сложные отношения обмена. Любая модель раннего человеческого общества должна оставлять место широкому торговому образу жизни, насущно необходимому для выживания каждой общины. Не могло быть единого, твердо определенного типа палеолитической охотничьей и собирательской общины, но именно поэтому можно разглядеть более широкую систему обменных отношений, позволявшую каждой отдельной общине приспособиться к существующим условиям. Адаптация человека в самые ранние времена базировалась на разнообразии и сопровождающих его связях.

Таковы некоторые из проблем, вокруг которых разворачивается «Великая дискуссия о Калахари». Эти проблемы еще будут обсуждаться, но сейчас уже можно извлечь один урок. Спор идет не столько об этнографических наблюдениях, сколько об их истолковании и об их роли в решении теоретических проблем. Вилмсен и Ли горячо спорят о некоторых фактах — главным образом об исторических деталях, касающихся глубины контактов между некоторыми маргинальными бушменскими популяциями и бантуязычными скотоводами, — но в целом их этнографические наблюдения подтверждают или расширяют име-

ющиеся данные. Стоит также заметить, что Вилмсен начал свою исследовательскую работу, исходя из точно тех же теоретических ориентаций, что и Ли. Он удивился, когда обнаруженные им археологические данные пришли в противоречие с его представлением о кунгах как образце собирателей позднего палеолита.

Региональные сравнения

Как оказалось, мое исследование кгалагари носило более узкий характер по сравнению с чрезвычайно авторитетной работой специалистов по бушменам и особенно группы Ли: оно не включалось в широкие положения о человеческом поведении. Но разносторонние направления моей полевой работы вскоре повели меня по новому пути, имеющему прямое отношение к нынешней моей аргументации. Дискуссия о кунгах должна была выявить историческую значимость их образа жизни, я же оказался причастным к спорам об обширной культурной области. Правда, моя работа о кгалагари давала мне лишь «входной билет» к этой теме. С самого начала я постоянно ссылался на обширную этнографическую литературу о родственных группах тсвана, расположенных к востоку; более того, мою диссертацию рассматривал сам Исаак Шапера, старейшина исследователей тсвана. Со временем я начал проводить более систематические и далеко идущие сравнения в пределах культурной области между сельскими общинами, бывшими некогда относительно однородными. Моя книга «Жены за скот»²⁹ представляет собой повторный сравнительный анализ этнографических работ других авторов, касающихся области южных банту.

Я проводил эту работу в полной уверенности, что этнографические труды по Южной Африке содержат материал, далеко выходящий за пределы их конкретной тематики. Полученные данные можно подвергнуть повторному анализу. И это как раз то, к чему стремились авторы упомянутых трудов. Разумеется, как всегда настойчиво подчеркивают историки, любая этнографическая монография требует тщательной критики источников, но и сами источники нуждаются в сравнительной оценке. Редко приходится опираться на одного единственного автора. По многим общинам имеется целый ряд источников (многие не обязательно исходят от антропологов). Наличие разнообразных источников позволяет вернее оценить каждый из них. Систематическое сравнение родственных общин также облегчает проверку конкретных этнографических работ.

В некоторых случаях мне удавалось вступить в переписку с этнографами и предложить им альтернативное истолкование их же данных. Сам Лич однажды проанализировал заново материалы Криге о ловеде, и мне удалось включиться в их спор при помощи оживленной и плодотворной переписки с Эйлин Криге (и в конце концов я оказался на стороне Лича!). Все этнографы, с которыми я переписывался, охотно шли на альтернативное истолкование своего материала, стремясь подтвердить точность своих фактических данных.

Отличались ли я и Ли от наших предшественников в полевых работах — были ли мы, как выражается Ли, озабочены в первую очередь не «фактической истиной», а может быть, скорее вопросами красноречия или идеологии? Во всяком случае, нам бы это не удалось. Уже вскоре «через плечо» Ли читало все возрастающее число специалистов, непосредственно знакомых с другими бушменскими группами, многие даже с опытом полевой работы среди самих кунгов. По мере укрепления его репутации Ли становился все более уязвимым для критиков. Поставить подножку Ричарду Ли — это могло создать человеку репутацию... К моим словам прислушивалось меньше людей, жаждущих узнать, как принимаются решения в калахарской деревне; но стоило мне предпринять первые региональные сравнения, как этим я подстегнул ряд местных специалистов обратить на меня пристальное и критическое внимание.

Основной факт заключается в том, что и Ли, и я писали свои работы в рамках живой научной традиции. Все, что мы высказывали, подвергалось оценке опытных специалистов, которых едва ли могло опьянить наше красноречие. Как

практически все современные этнографы, мы оба были участниками долговременного процесса исследования, проводимого совместно в тесном взаимодействии многочисленными учеными. Наши работы выходили на поверхность в ходе открытых и широких диалогов с коллегами и с местными жителями в поле и в научной среде. Такова ныне нормальная обстановка этнографического исследования. Нет более одиноких пионеров, истолкователей всего, что попадает в сферу исследования, в духе Малиновского.

Этнографическая эрудиция

Напрашивается вывод, что мы с Ли действовали во многих отношениях как обычные научные работники. У нас были более или менее систематизированные теоретические представления, мы собирали объективные данные и формулировали результаты, вступали в дискуссию со специалистами и разного рода авторитетными лицами на местах³⁰. Во всех этих спорах преобладал, грубо говоря, один вопрос: правы ли мы? Точно ли описание? Логичен ли, уместен ли, достаточен ли анализ? Мы не сомневались, что вносим вклад в коллективное исследование, в котором приняты общие стандарты аргументации и свидетельств. Наша работа измерялась тем, насколько она переплавляла, развивала, опрокидывала или освещала работу других этнографов. У нас обоих были, кроме того, вполне ясные политические интересы и программы, но мы никогда не ощущали противоречия между ними и нашими научными обязательствами.

Это не значит, что мы не были захвачены обсуждением антропологических проблем, а там свои правила и требования. Ли работал в традиции довольно отчетливо «научной», экологической, эволюционистской американской антропологии, в то время как я действовал в европейской дюркгеймовской традиции, традиции антропологии как общественной науки (это направление в антропологии Соединенных Штатов и Канады остается делом меньшинства).

И я, и Ли, несмотря на споры между нами, считали, что мы оба занимаемся в широком смысле научной деятельностью. Практически все этнографы, работавшие в поле в Калахари, хотя и стояли на различных позициях в антропологии, сходились в убеждении, что успех их работы зависит от объективного качества наблюдений и от того, насколько успешно осмыслены и тщательно проверены данные. Это относится даже и к наиболее экспериментальным и к феноменологическим трудам о кунгах — исследованию кунгской женщины Марджори Шостак «Ниса» и работе Ричарда Каца «Кипящая энергия»³¹. И в самом деле, критический пересмотр выводов Ли «ревизионистами» еще раз показал, что организация и толкование материалов возможны в альтернативных рамках.

Как отметил Рот³², важно разграничивать две стороны. Анализ этнографических трудов, с одной стороны, может что-то раскрыть об этих авторах, о приемах изложения, определенных жанрах. С другой стороны, этнографические исследования могут оцениваться по тому, дают ли они достоверные сведения о поведении людей в определенное время и в определенном месте. Критика источников — не альтернатива критическому использованию источников, а предварительное условие.

Политическое использование этнографических исследований — особая проблема. Разумеется, ни один человек, работавший в Южной Африке, не мог проявить наивность в этом вопросе. Одна из любопытных особенностей дискуссии между Вилмсеном и Ли заключается в том, что они оспаривают друг у друга политическую полезность своих исследований для кунгов и каждый обвиняет противника в том, что он представляет опасность для объекта их исследований.

Они оба также претендуют на то, чтобы их описание укладывалось в рамки марксизма; это, как они, по-видимому, считают, доказывает, насколько политически верен их анализ. Оба исследователя ждут от своих работ результатов. Можно было бы написать интересное научное исследование о том, какие последствия в прошедшие 100 лет имели теории о бушменах для их жизни. Но

нелегко предсказать, как будут использованы научные теории, да и должны же мы в конце концов разграничивать политические последствия теории и ее истинность.

Некоторые постмодернисты приводят довод, что «научная» позиция всегда сомнительна, поскольку она исключает голоса действующих лиц, приводит к насилию над авторским взглядом³³. Представление, что авторский голос следует приглушить, чтобы позволить расслышать другие — туземные голоса, кажется мне опасно патерналистским — как будто этнограф призван служить представителем общины. Разве этнографу полагается служить посредником? В этом случае посредник неизбежно станет «посланником». Факт тот, что «голоса» этнографии выбираются автором в результате теоретически обоснованного анализа полевых наблюдений. Чем яснее это показано, тем лучше.

Иногда по существу высказывается мысль, что сами действующие лица могли бы почти без посредничества создать наилучший этнографический рассказ о себе; или, по крайней мере, что они должны бы быть окончательными арбитрами этнографического описания (может быть, даже его цензорами). Но этнографическое описание — это акт научной деятельности и по необходимости формулируется в терминах, в значительной мере понятных лишь посвященным. Даже если считать его лишь своего рода переводом, его хотя бы частично приходится оценивать в терминах той культуры, в которую он переведен.

Так как же мы должны понимать утверждение Лича, что этнографические труды не более «научны», чем исторические романы? Когда я в 1985 г. брал у него интервью для «*Current Anthropology*», он, говоря о модах в антропологии, сказал: «...последовательность всегда диалектична. В моем антропологическом развитии... был момент, когда Малиновский был всегда прав. На следующем этапе он был всегда неправ. Но с возмужанием я стал замечать, что у каждой из сторон есть нечто положительное. Я вижу в этом гегельянский процесс — очень глубокий элемент в процессе развития гуманитарного мышления во времени. Но пройдя эту последовательность по кругу, оказываешься не в начальной точке, из которой вышел, а продвигаешься немного вперед или же куда-то еще. Но всегда в этот процесс входит первоначальное отречение от своих непосредственных предков — тех учителей, которым всего более обязан»³⁴. Лич не является фактически моим непосредственным предком (хотя бы потому, что я избрал африканистику), но я, хотя и с некоторой грустью, отвергаю его заключительное высказывание об этнографии. Мне придает смелость возражать ему то, что я успел узнать в ходе этнографической работы. Текст Лича, представляющий сильный вариант постмодернистского взгляда, несостоятелен. Но можно кое-что сказать в поддержку описанного Личем циклического хода прогресса, и я предсказываю, что нас ожидает цикл неопозитивизма. Эта перспектива меня не смущает.

Примечания

¹Leach E. Writing Anthropology // *American Ethnologist*. 1989. № 16. I. P. 137—141; *idem*. Tribal Ethnography: Past, Present, Future / Eds Tonkin E., McDonald M., Chapman M. // *History and Ethnicity*. ASA Monographs in Social Anthropology. L., 1989. № 27.

²Writing Culture: the Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley, 1986; Marcus G., Fischer M. M. J. Anthropology as Culture Critique: an Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago, 1986; Clifford J. The Predicament of Culture. Cambridge (Mass.), 1988.

³Sangren P. S. Rhetoric and the Authority of Ethnography: «Post-Modernism» and the Social Reproduction of Texts // *Current Anthropology*. 1988. V. 29. P. 405—35; Roth P. A. Ethnography without Tears // *Current Anthropology*. 1989. V. 30. P. 555—569; Spencer J. Anthropology as a Kind of Writing // *Man*. 1989. № 24. P. 145—64.

⁴Geertz C. Works and Lives: the Anthropologist as Author. Stanford, 1988.

⁵Carrithers M. Is Anthropology Art or Science? *Current Anthropology*. 1990. V. 31. P. 263—282.

⁶Geertz C. Comment on M. Carrithers «Is Anthropology Art or Science?» // *Ibidem*. P. 274.

⁷Roth P. A. Op. cit. P. 561.

⁸См.: Drucker-Brown S. Notes toward a Biography of Meyer Fortes // *American Ethnologist*. 1989. № 16. P. 375—385.

- ⁹См.: Lee R. B. *The Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society*. Cambridge, 1979. P. 9—10.
- ¹⁰См. *Idem*. «Introduction» // *Kalahari Hunter-Gatherers: Studies of the Kung San and Their Neighbours* / Eds Lee R. B., De Vore I. Cambridge (Mass.), 1976. P. 10.
- ¹¹*Ibid.* P. 9.
- ¹²См. сб. ее статей: *Marshall L.* *The !Kung of Nyae Nyae*. Cambridge, 1976.
- ¹³*Man the Hunter*. N. Y., 1968.
- ¹⁴*Kuper A.* *Kalahari Village Politics: an African Democracy*. Cambridge, 1970.
- ¹⁵*Kaberry Ph.* Malinowski's Contribution to Field-Work Methods and the Writing of Ethnography // *Man and Culture: an Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski* / Ed. Firth. R. L., 1957.
- ¹⁶Ср. *Gudeman S., Rivera A.* *Conversations in Columbia*. Cambridge, 1990.
- ¹⁷Lee R. B. *The Kung San* P. 17.
- ¹⁸*Tanaka Jiro.* *The San: Hunter-Gatherers of the Kalahari*. Tokyo, 1980.
- ¹⁹*Silberbauer G., Kuper A.* *Kgalagari Masters and Bushmen Serfs: Some Observations* // *African Studies*. 1969. V. 25. № 4. P. 171—179. См. также *Silberbauer G.* *Hunter and Habitat in the Central Kalahari Desert*. Cambridge, 1981.
- ²⁰*Schrire C.* *Inter Alia. An Enquiry into the Evolutionary Status and Apparent Identity of San Hunter-Gatherers* // *Human Ecology* 1980. № 8. P. 9—32; *Past and Present in Hunter-Gatherer Studies*. N. Y., 1984; *Yellen J. E.* *The Present and the Future of Hunter-Gatherer Studies* // *Archaeological Thought in America* / Ed. Lamberg-Karlovsky. Cambridge, 1989.
- ²¹*Wilmsen E. N.* *Land Filled with Flies: a Political Economy of the Kalahari*. Chicago, 1989.
- ²²*Solway J., Lee R.* *Foragers Genuine or Spurious: Situating the Kalahari San in History* // *Current Anthropology*. 1990. 31. P. 109—146; *Wilmsen E. N., Denbow J.* *Paradigmatic History of San-Speaking Peoples and Current Attempts at Revision* // *Current Anthropology*. 1990. 31. P. 515—516.
- ²³*Wilmsen E. N.* *Land Filled with Flies*. P. 271.
- ²⁴*Levi-Strauss C.* *The Concept of Primitiveness* // *Man the Hunter*. P. 350.
- ²⁵*Barnard A.* *Hunters and Herders of Southern Africa: A Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples*. Cambridge, 1992.
- ²⁶См.: *Kuper A.* *The Kgalagari in the Nineteenth Century* // *Botswana Notes and Records*. 2. P. 45—51; *Okihiro G.* *Hunters, Herders, Cultivators, and Traders: Interaction and Change in the Kgalagari*. Doct. Diss. Dept History. Los Angeles, 1976; *Solway J., Lee R.* *Op. cit.*
- ²⁷*Tanaka Jiro.* *Comment on E. Wilmsen and J. Denbow «Paradigmatic History of San-Speaking Peoples and Current Attempts at Revision»* // *Current Anthropology*. 1990. 31. P. 515—16.
- ²⁸*Bird-David N.* *Beyond «The Original Affluent Society»: a Culturalist Reformulation* // *Current Anthropology*. 1992. 33. № 1. P. 25—47.
- ²⁹*Kuper A.* *Wives for Cattle: Bridewealth and Marriage in Southern Africa*. L., 1982.
- ³⁰Ср. *Carrithers M.* *Op. cit.*
- ³¹*Shostak M.* *Nisa: The Life and Words of a Kung Woman*. L., 1981; *Katz R.* *Boiling Energy: Community Healing among the Kalahari Kung*. Cambridge (Mass.), 1982.
- ³²*Roth P. A.* *Op. cit.*
- ³³См., например, *Marcus G., Fischer M. M. J.* *Op. cit.*
- ³⁴*Kuper A.* *Interview with Edmund Leach* // *Current Anthropology*. 1986. 27. P. 375—382, 380.

Post-Modernism, Cambridge and the Great Kalahari Debate

The article contains a broad view of various traditions in present-day anthropology. Among other things the author cites the post-modernist position which avers that «an ethnographic monograph has more in common with an historical novel that with any kind of scientific treatise...», that «ethnographers as authors are not primarily concerned with factual truth; they convince by the way they write» (Leach E. *Writing Anthropology*). He shows using autobiographical material (his own as well as other ethnographers' research among the kgalagari tribesman in South Africa) that ethnographers working in the field, while arguing about general questions, work within a living tradition of scholarship. Their research is subject to expert criticism and its success depends upon the objective quality of their observations. In conclusion he predicts a new cycle of neo-positivism following the present vogue of post-modernism.

A. Kuper